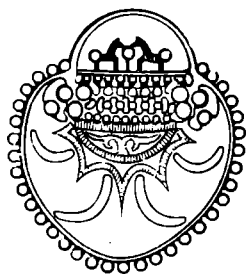

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

*Журнал основан в 1957 году
Выходит четыре раза в год*

№ 4

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА—1971

Г. А. ПУГАЧЕНКОВА

НОВОЕ В ИЗУЧЕНИИ ДАЛЬВЕРЗИН-ТЕПЕ

(К истории бактрийско-кушанской городской культуры)

Дальверзин-Тепе — крупнейшее городище в центре той области на среднем течении Сурхандарьи, которая в средневековых источниках именуется Чаганианом или Саганианом. В этом наименовании запечатлен очень древний этноним, по-видимому, связанный с саками, наводнившими во II в. до н. э. северную Бактрию, но вскоре вытесненными отсюда за Амударью нашествием юедей. Городище, известное уже в 30-х годах, в среде местных краеведов, было осмотрено в 1949 г. Л. И. Альбаумом (Сурхандарьинской археологический отряд АН УзССР), осуществившим двенадцатидневный проезд по археологическим памятникам от Термеза до Сары-Асия. Вывод, сформулированный в публикации 1960 г., сводится к следующему: «Городище Дальверзин-Тепе, судя по нескольким плохо сохранившимся монетам и небольшим фрагментам керамики, существовало до VI—VII вв., хотя в своей основе оно, несомненно, более древнее — отдельные фрагменты керамики определенно можно отнести к кушанскому времени. Предметов, датируемых более ранним периодом, пока не найдено»¹. Каких-либо отождествлений с древним Чаганианом Л. И. Альбаум не выдвигал.

Осенью 1959 г. и весной 1960 г. Узбекистанская искусствоведческая экспедиция АН УзССР, осуществляя параллельно с раскопками городища Халчаян обследование ряда археологических памятников района средней Сурхандарьи, поставила одной из задач определение местонахождения столицы древнего и средневекового Чаганиана. Визуальное наблюдение, археологические зачистки и подъемный археологический материал привели нас к заключению, что Дальверзин-Тепе был главным городским центром этой области в античное время, причем формирование его восходит еще к первым векам до н. э., расцвет падает на эпоху Кушан, упадок — на IV—V вв., новое частичное обживание — на VI—VII вв. и гибель — после арабского завоевания. Одновременно в VI—VII вв. в урочище Бедрач-Тепе, в 25 км к северо-востоку от Дальверзин-Тепе складывается новый город, чрезвычайно разросшийся в средневековье, где и располагалась вплоть до XV—XVI вв. столица средневекового Чаганиана, упоминаемая многими восточными авторами².

В 1960 г. В. А. Нильсен и А. В. Шукуров сняли топографический план Дальверзин-Тепе и расчистили захоронение в его городской стене. В следующем 1961 г. археологический отряд Л. И. Альбаума осуществил зачистку этой стены, пробитой колхозными бульдозеристами у юго-западно-

¹ Л. И. Альбаум. Балалык-Тепе. Ташкент, 1960, стр. 12, 14.

² Г. А. Пугаченкова. Некоторые итоги экспедиционных исследований Института искусствознания АН УзССР в 1960 г. ОНУ, 1961, 3, стр. 67; е е же. К исторической топографии Чаганиана. Тр. Таш. ГУ, 200, Ташкент, 1963, стр. 52 сл.

то угла города. Кроме того, были вскрыты две комнаты располагавшегося неподалеку древнего дома и заложен в нем стратиграфический шурф³.

В 1962—1963 гг. молодыми сотрудниками Узбекистанской искусствоведческой экспедиции Б. А. Тургуновым и Д. Н. Сидоровой⁴ проводились разведочные вскрытия на цитадели Дальверзин-Тепе, с целью изучения античной фортификации Чаганиана. Однако ввиду того, что основные работы экспедиции в то время были сосредоточены на городище Халчаян, а в последующие годы на некоторых приамударьинских городищах, к широким исследованиям этого огромного археологического памятника мы приступили лишь в начале 1967 г.

Четыре сезона полевых работ 1967—1968 гг., проводившихся автором с группой научных сотрудников Узбекистанского научно-исследовательского института искусствознания им. Хамзы⁵, уже дали многообещающие результаты, краткому изложению которых посвящена настоящая статья.

Дальверзин-Тепе находится на правом берегу Сурхандарьи, в самой широкой части разработанной этой рекою долины, охваченной с одной стороны Байсунским хребтом, с другой — грядой Баба-тага. Земли богаты и плодородны, но земледелие здесь возможно было лишь при существовании хорошо налаженной ирригационной системы, без чего долина подвергается затоплению и превращается в болото. Создание же такой системы возможно было лишь в условиях крепкой государственной власти.

Стратиграфические шурфы, заложенные нами в нескольких пунктах, свидетельствуют, что древний город был основан на естественном песчано-лёссовом геологическом останце, возвышавшемся в пониженной части прибрежной долины. В юго-восточном участке его высится цитадель площадью до 9 га, достигающая даже ныне десятиметровой высоты от подошвы. Собственно город имеет прямоугольный план размером 650 × 500 м, но одиночные бугры с археологическими остатками простираются до полукилометра к северу от него. Город и цитадель обводили рвы и крепостные стены.

В целях определения археологической периодизации и выяснения характера застройки городища нами было заложено три широких раскопа, сделано три разреза крепостных стен и ряд стратиграфических шурфов.

Стратиграфические исследования 1967—1968 гг. показали, что первоначальный населенный пункт формируется в южной части Дальверзин-Тепе, где было использовано естественное геологическое возвышение. В цитадели на глубине 7,5 м от верхней точки раскопа, в шурфе ДТ-2 в юго-восточной части города на глубине 5 м от нулевого репера, в разрезе городской стены ДТ-4 в слое, предшествующем ее возведению, обнаружен над материком первоначальный культурный слой с разнообразными хозяйственными остатками. В составе керамики здесь многочисленны и очень типичны тарелочки с отлогими стенками, клювовидно отогнутым наружу венчиком и прямым донцем и фиалы более выпуклого профиля с рельефным поддоном и закраиной, слегка оттянутой в виде горизонтального бортика, реже — мягко загнутой внутрь. Диаметр их 17—20 см при высоте тарелочек до 4 см, а чаш 6—8 см. Все они тонкостенные (сечение стенок 2—4 мм), черепок очень плотный, темно-охристого цвета, часто безангобные, некоторые со светлым ангобом, чаши же изредка с двусторонним красным лощением. Нередки плавного профиля кувшины — с ручками или чаще без них (рис. 2). Эта группа керамической утвари аналогична по формам

³ Л. И. Альбаум. Городище Дальверзин-Тепе. ИМКУ, 7. Ташкент, 1966, стр. 47 сл.

⁴ Г. А. Пугаченкова. Халчаян. Ташкент, 1966, стр. 22, 26; Б. А. Тургунов. Приемы фортификации античного Чаганиана. СА, 1968, 1, стр. 39 сл.

⁵ В работе принимали участие археологи Б. А. Тургунов (зам. начальника экспедиции) и Э. В. Ртвеладзе, коллектор И. С. Морозов, скульпторы-реставраторы В. Лунев и Х. Хуснутдинходжаев.

греко-бактрийским сосудам, особенно тарелочкам и фиалам из Ай-Ханум (III—II вв. до н. э.), близкие параллели которым П. Бернар усматривает в эллинистической керамике Ближнего Востока⁶. В раскопе ДТ-4 нами обнаружены также часть крупного красноангобного кратера и фрагменты двух плоских, с оттянутыми бортами тарелок — чернолощеной и краснолощеной, которые являются либо предметами эллинистического импорта, либо изготовлены на месте греческим мастером. Весь этот комплекс находок определяет датировку первоначального поселения на Дальверзин-Тепе греко-бактрийской эпохой — III—II вв. до н. э.

Создание ограждающих стен вокруг плотно заселенной с юга части греко-бактрийского городка восходит, по-видимому, к первой половине II в. до н. э. — периоду надвигающейся угрозы со стороны северных полукочевых народов. Конструкция этой стены прослежена в разрезе раскопа ДЦ-1. Она сложена из пахсы красноватого цвета, выведенной пластами, со скосом граней около 80°. Ширина в основании до 1,90 м, сохранность по высоте до 2,4 м.

С вторжением во второй половине II в. до н. э. в северную Бактрию саков, а затем юедей связан почти сплошной слой пожарища внутри этих стен. Он прослежен в раскопе ДЦ-1, где достигает 60—70 см, и на срезе южного фаса укреплений, обнаженном при прокладке дороги.

Возрождение и наиболее интенсивное развитие жизни на Дальверзин-Тепе приходится на эпоху Кушан. Этот период стратиграфически отмечен мощными культурными слоями последовательного мирного обитания, залегающими над слоем пожарища, и разрастанием заселенной части города в северном направлении. По стратиграфическим данным здесь может быть выделено три основных периода, которые условно будем называть: юежийско-кушанским (I в. до н. э. — I в. н. э.), великокушанским (I—II вв.) и позднекушанским (III — начало IV в.)⁷.

На площади первоначального греко-бактрийского городка при Кушанах внутри его укреплений протекает новое строительство. Так, в шурфе, углубленном на площади раскопа ДЦ-1, обнаружена часть помещения, стены которого выведены из пахсы, уложенной над слоем пожарища. В великокушанский период городок уже преобразуется в цитадель. При этом усиливаются крепостные ограждения, общая ширина стены достигает 3,90 м, максимальная сохранность ее по высоте до 4,30 м. При возведении новой стены край естественного бугра был подрезан и у основания его вырыт ров (или расчищен старый). Кладка стены комбинированная — из пахсы и разноформатного квадратного сырца (внизу — тонкослойный $42 \times 42 \times 6-8$ см, в следующих рядах со сторонами в 48, 47 и 45 см и толщиной 12—13 см, или 42—43, 36—38 см на 10—12 см толщины); кирпичи имеют на нижних постелях знаки-клейма. В позднекушанское время стена с обеих сторон берется как бы в футляр из спешно и небрежно выложенных сырцовых кладок, причем мощь ее достигает 7 м. Сырец разноформатный — 45×12 см, $42 \times 11-12$, 35×10 см, клейма на нем иные, чем в стене предшествующего периода.

В упомянутом выше шурфе ДТ-2 (рис. 1) над греко-бактрийским комплексом следует почти полуметровый слой плотной глины с одиночными фрагментами керамики. Выше на уровне 3,70—2,60 м от репера — рыхлый завал глины с золой и керамикой. Большинство сосудов изготовлено на гончарном круге, лишь котлы и хумы — лепные. Преобладающий цвет черепка — светло-кирпичного оттенка. Крупные сосуды безангобные или

⁶ D. Schlumberger et P. Bernard. AT-Khanoum. XXXIX, 1965-II, стр. 604, сл., рис. 6, 7.

⁷ В неутраченной дискуссии по поводу многоспорной «эры Канишки», на которой основываются кушанские даты, мы присоединяемся к сторонникам отнесения ее к периоду в пределах 78 г. — первой половины II в. н. э., на основании наблюдений над стратиграфией кушанских памятников, анализа произведений кушанского искусства и некоторых нумизматических данных.

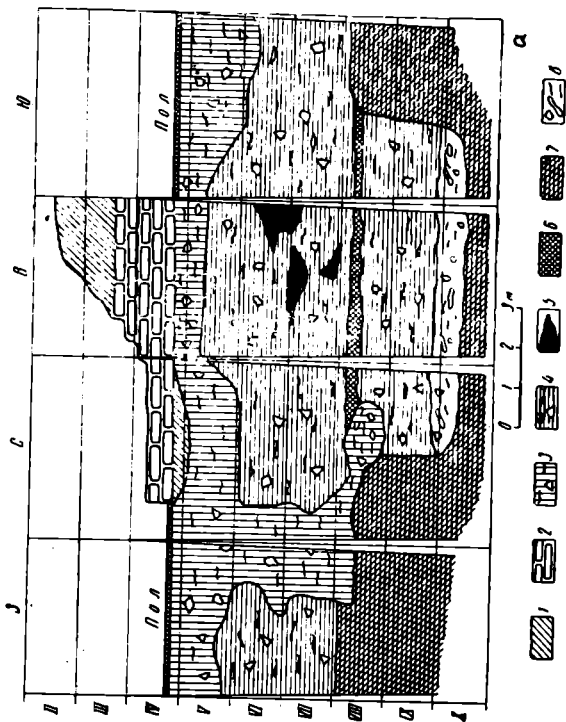
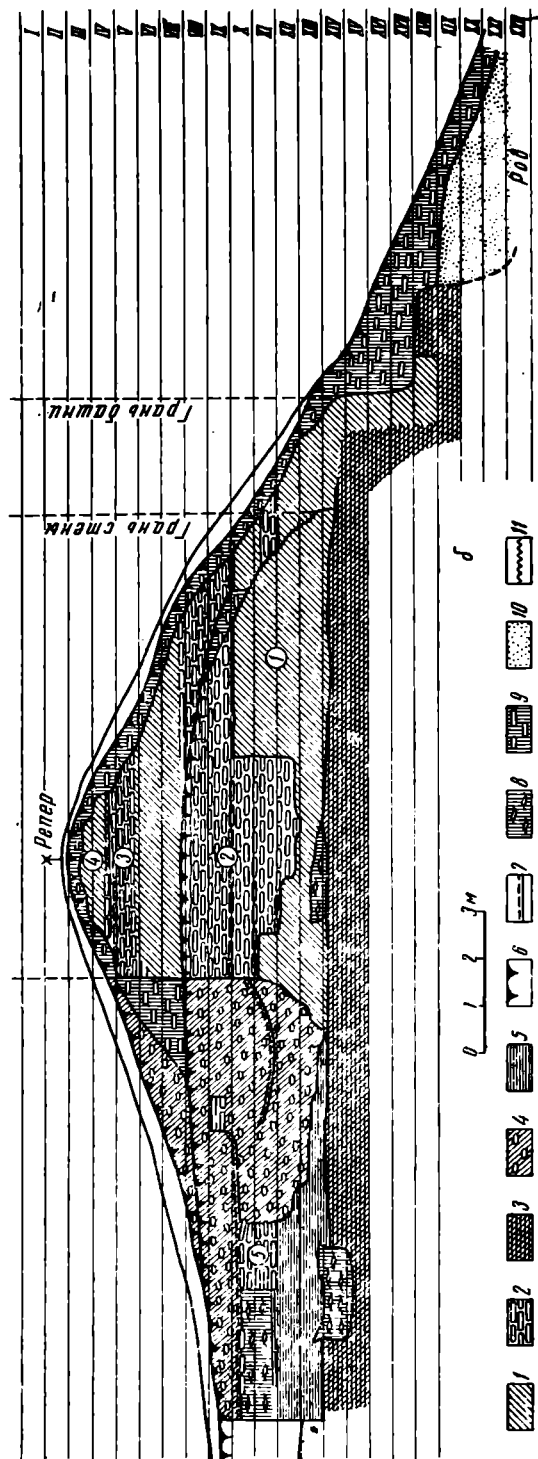

Рис. 1

а — стратиграфический шурф, опущенный ниже пола дома периода Великих Кушан ДТ-2. 1 — пахса, 2 — сырец, 3 — завал рыхлой глины с золой, угольками, керамикой, 4 — плотная глина с золой, редкими фрагментами керамики, 5 — золый слой, 6 — зеленая глина, 7 — материковый лес, 8 — отвал керамики, костей золы и угольков, 9 — материковый лес, 10 — отвал керамики, костей золы и угольков, 11 — отвал керамики, костей золы и угольков. Разрез западной городской стены и башни. 1 — пахса, 2 — сырец, 3 — песчано-лесовый материк, 4 — рыхлая и комковатая глина с керамикой, костями, золой, зернами включений керамики, костей, угольков, зола, 5 — плотная глина с небольшими включениями керамики, костей, угольков, зола, 6 — дерновый слой, 7 — зеленатый слой истлевших органических остатков, 8 — золяно-хвойный слой, 9 — отвал с керамикой, костями и пр., 10 — комковатая глина разрушенных кладок, 11 — горелый слой.

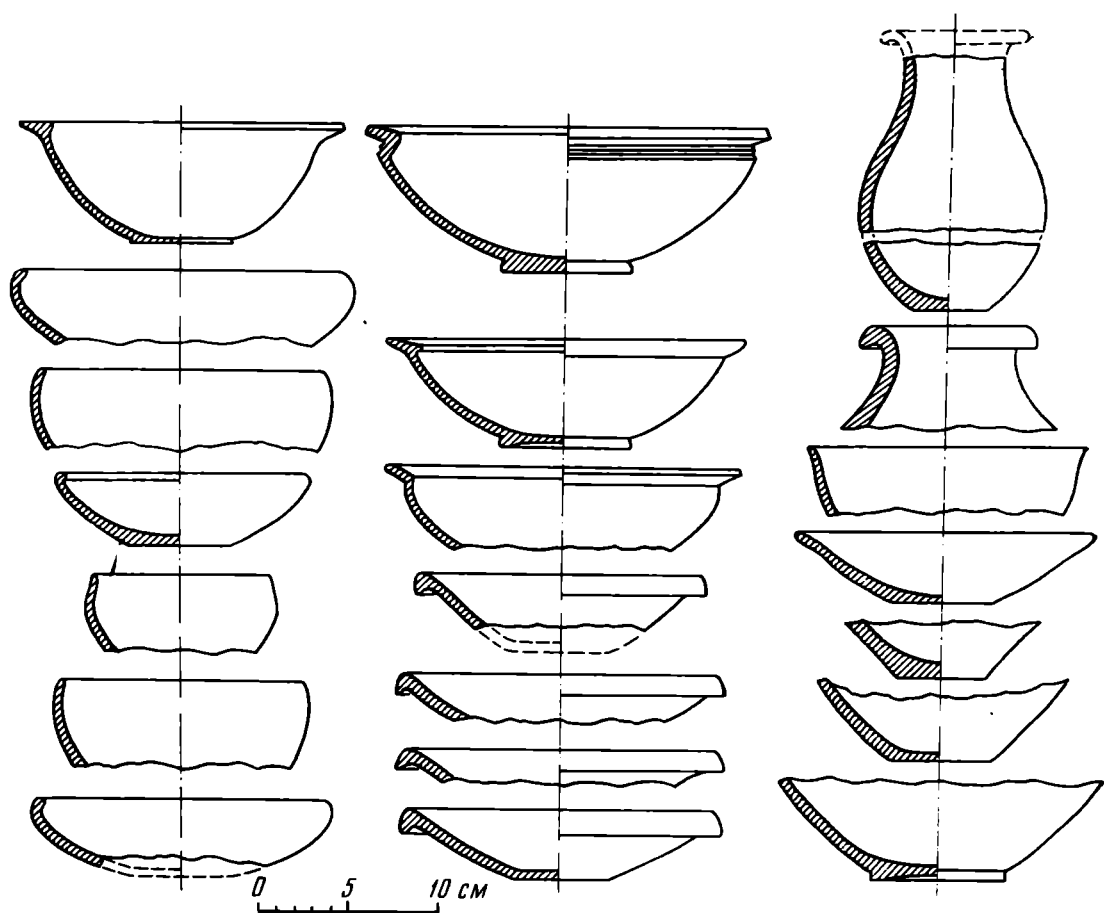

Рис. 2. Керамика из нижнего слоя стратиграфического шурфа ДТ-2

же со светлым ангобом. На чашах и горшках — иногда красный ангоб. Встречены в небольшом числе фрагменты сероглиняных чаш. Характерны следующие формы.

Хумы и хумчи с утолщенным, чуть прогнутым венчиком. Тагары с треугольным или плавно-клювовидным венчиком. Кувшины с мягко очерченной подтреугольной закраиной, невысоким горлом, плоским или слегка выпуклым дном, круто выгнутыми ручками уплощенно-овального сечения. Горшки с прямой или рельефной закраиной, изредка с волнистым в одну линию орнаментом на плечах. Котлы шаровидной формы лепные, с примесью в черепке дресвы, с налепами для упора. Чаши двух видов профиля с отогнутым наружу краем (преобладающий тип) или плавным выгибом внутрь; на дне одной — вихревой трехконечный знак. Бокалы с плавно расширяющимся яйцевидным резервуаром и небольшой полый конической ножкой.

Среди характерных находок из данного слоя — две небольшие, выполненные в высоком рельефе терракотовые статуэтки бактрийской богини, облаченной в одежды эллинизированного стиля. Особый интерес представляет крупный щиток антефикса ($24 \times 11 \times 2,5-5$ см), видимо от располагавшегося вблизи парадного здания. На нем оттиснута изящно моделированная пальметта и сохранились следы яркой киноварной окраски (рис. 3). Пальметта близка по типу к эллинистическим и сам антефикс среди бактрийских памятников занимает как бы промежуточное положение между чисто греческими антефиксами Ай-Ханум (III—II вв. до н. э.)⁸ и заметно «варваризованными» антефиксами Халчаяна — в частности халчаянского дворца (I в. до н. э.)⁹. По сравнению с последними дальвер-

⁸ D. Schlumberger et P. Bernard. Ук. соч., стр. 645 сл., рис. 34—36.

⁹ Г. А. Пугаченкова. Халчаян, стр. 136 сл., рис. 80.

зинский антефикс намного крупнее, что позволяет предполагать и более крупные масштабы самого здания, в оформление которого он входил.

Весь археологический материал, а также сопутствующая ему крупная бронзовая монета из группы варварских подражаний Гелиоклу (голова государя на аверсе и конь влево на реверсе, с легендой искаженными знаками греческого письма ΒΑΣΙΛΕΟΣ ΗΛΙΟΚΛΕΟΥ) вкупе определяют датировку данного стратиграфического горизонта пределами от конца II в. до н. э. до рубежа н. э. Именно в эту пору осуществляются и первоначальные работы по созданию фортификации вокруг разросшейся территории собственно города.

В свете исследований городских укреплений Дальверзин-Тепе, осуществленных нами в 1967—1968 гг., характеристика их, опубликованная в 1966 г. Л. И. Альбаумом, нуждается в существенных коррективах¹⁰. Неверно его утверждение, будто «за основными стенами с внешней стороны был второй ряд крепостных стен, а между ними проходил ров»; в действительности гряды вдоль северной и восточной стороны

рва — это не стены, а отвал земли, накопившийся в результате его очисток (осуществляемых и в наши дни, поскольку по руслу древнего рва пропущена вода). По Альбауму, городская стена насчитывает два строительных периода, ибо при расчистке ее в юго-западном углу он отметил две параллельные стены, сложенные из крупного сырца с промежуточным коридором шириной 1,70 м (может быть стрелковой камерой? — Г. П.), позднее забутованным сырцом и рыхлой землей. Сооружение двойной стены Л. Альбаум относит к III—II вв. до н. э., выдвигая в качестве единственного обоснования аналогию (весьма приблизительную!) со стенами Джанбаскалы в Хорезме, а забутовку — к кушанскому времени.

Наши разрезы северной и западной стены рисуют иную картину. Особенно характерен западный разрез (ДТ-4), характеристика которого приводится ниже (рис. 16).

Над материковым слоем песчано-лессовых ленточных отложений выявлены линзы хозяйственных остатков (от 30 до 60 см толщиной), в которых получен превосходный комплекс посуды греко-бактрийского времени. Выше — пахсовая кладка крепостной стены; она достигает 2 м высоты и имеет внутри перепад — возможно, отмечающий располагавшееся здесь первоначально внутрискстенное помещение или коридор. Позднее в процессе капитальной перестройки основание пахсовой кладки попадает как бы в футляр из сырца (45—46 × 45—46 × 12—13 см), ныне достигающий 5,5—6 м по высоте, при толщине стены 9,5 м. Вышерасположенные кладки выведены чередованием рядов сырца и пахсы. Расчистка по гребню стены и опущенная до самой подошвы бровка выявили выступавшую на 2,20 м башню (видимо прямоугольную), кладка которой выполнена из сырца и пахсы. На уровне 6,5 м от подошвы обнаружена часть какого-то помещения — стрелковой камеры или боевой площадки. На полу — тонкий, сплош-

Рис. 3. Антефикс

¹⁰ Л. И. Альбаум. Городище Дальверзин-Тепе, стр. 59 сл.

ной горелый слой, видимо, от сгоревшего деревянного перекрытия, несколько каменных ядер, фрагменты керамики позднекушанского типа. На внешнем склоне башни при расчистке было собрано немало округлых речных галек, служивших ядрами для камнеметной артиллерии. На последнем этапе использования и ремонта крепостной стены камера была забутована сырцом и пахсой. После этого ни стена, ни башня больше не поддерживались и постепенно оплывали и разрушались.

Внутренняя грань стены и башни была отвесной, вдоль нее прослежен значительный слой примыкавших городских строений. С внешней же стороны башни и стены материк был подрезан по прямой линии, а со временем взят в пахсовую обкладку, в 2 м от которой следовал ров.

Керамика на уровне, начинающемся над нижней пахсовой кладкой первоначальной крепостной стены, дает типичный комплекс великокушанского времени (в частности, значительный процент сероглиняных мисок, красноангобированные бокалы на поло-конических ножках и др.), а сами кладки, как уже было отмечено, лежат над слоем греко-бактрийского времени. Таким образом, стратиграфически зажатая между этими двумя периодами изначальная стена города восходит к юежийско-кушанскому времени. Взятие стены в мощный, «футляр» падает на время Великих Кушан, а в позднекушанский период осуществляются поспешные ремонты и забутовки ее верхних участков.

Наивысший расцвет Дальверзин-Тепе переживает в эпоху Великих Кушан. По всей его площади, на пустырях и над пришедшими в упадок зданиями предшествующего периода возводятся новые дома. Характерный материал, в частности, дали раскопки небольшого бугра в юго-восточной части города. Здесь выявлен жилой дом кушанского времени. Дом небольшой, принадлежал горожанину средней руки. Судя по микрорельефу, к нему примыкал обширный хозяйственный двор и хауз, а с юга и востока проходила городская улочка.

Дом прямоуголен ($23 \times 26,5$ м), ориентирован почти по странам света, охвачен глухими стенами. Два входа ведут в него со стороны хозяйственного двора, третий — со стороны улочки. Из этого последнего попадали в небольшой г-образный в плане внутренний дворик, куда, по-видимому, было обращено два крытых навеса айвана. В доме имеется восемь прямоугольных в плане комнат — изолированных и взаимосвязанных. Четкой архитектурной идеи в планровке нет, группировка или изоляция помещений, видимо, определялась их назначением и особенностями быта.

Стены, сохранившиеся на высоту от 80 см до 1,20 м, сложены из пахсы или комбинированной кладкой — чередованием слоев пахсы (высота рядов 70—80 см) и четырех-пяти рядов сырца ($32 \times 32 \times 12$ см). Стены оштукатурены глиной, а в некоторых помещениях также ганчем. Полы глинобитные, перекрытия были балочными.

Время возведения и бытования дома хорошо определяется находкой над полами его помещений трех бронзовых монет: 1) Кадфиза I, из группы «Сотер Мегас» (Av — бюст государя вправо, Rv — конь со всадником влево), 2) Кадфиза II (Av — государь в широкополом кафтане, с рукою простертой над алтарем, Rv — Шива с быком Нанду); 3) Канишки (Av — государь с рукою простертой над алтарем, Rv — стоящее влево божество ОКРО).

Керамика этого периода из шурфов и раскопов дает богатый комплекс характерных форм. По типу черепка выделяются две группы — основная кирпичного (коричневато-красноватого) цвета и меньшая по количеству темно-серая. Последняя, по-видимому, обладала огнеупорными свойствами, так как сосуды этого рода нередко закопчены. В составе сероглиняной керамики преобладают крупные миски-чаши с плоским срезом дна или невысоким поддоном и стенками, отлогими внизу и почти вертикальными в верхней половине. Встречаются также большие хозяйственные лохайи-тагары конической расширяющейся формы, иногда с рельефным венчиком.

Керамика с черепком кирпичного цвета дает большое разнообразие форм. Среди них: 1) хумы и хумчи, обычно со светлоангобным покрытием. Форма их овальная, венчик — валиком, с рельефным перехватом под ним, донья плоские, на плечах хумчей нередко волнистый орнамент, нанесенный гребенчатым инструментом (с четырьмя-пятью зубцами); 2) тагары — такого же типа, что и сероглиняные; 3) кувшины — крупные и среднеразмерные, обычно двухручные, с невысокой горловиной, плавно переходящей к крутым плечам, от которых тулово сужается к плоско срезанному

Рис. 4. Сосуды из жилого дома ДТ-2

дну (рис. 4). Они нередко покрыты светлым ангобом, иногда — ярко-красным; 4) сходные по фактуре широкогорлые горшки; 5) разнообразные чаши типа крупных и небольших фиал, стенки которых отлого следуют от невысокого поддона, образуя сверху плавный выгиб наружу или внутрь (рис. 4), в большинстве покрыты красным ангобом; 6) бокалы, чаще всего красноангобированные, с небольшой поло-конической ножкой и плавно отходящим от нее широким резервуаром; 7) маленькие, тонкого сечения, красноангобированные кувшинчики и горшки. Многочисленны также кухонные лепные котлы, тесто которых, цвета светлого лёсса, содержит значительную примесь дресвы.

Кушанский керамический комплекс из Дальверзин-Тепе находит ряд параллелей в керамике других археологических памятников Северной Бактрии, но имеет и локальные отличия. Одно из них заключается в довольно широком распространении здесь сероглиняной керамики, которая в предшествующем культурном слое очень редка. О распространении ее в округе Дальверзин-Тепе свидетельствуют многочисленные находки на кушанском поселении Культепе, открытом нашей экспедицией близ с. Шурчи. Между тем, например, в Кобадiane¹¹ и Халчаяне¹² сероглиняные чаши (впрочем несколько иной формы) были распространены еще в период, предшествующий эпохе Великих Кушан, а на городищах по левобережью

¹¹ М. М. Дьяконов. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирниган (Кобадiane) (1950—1951 гг.). МИА, 37, 1953; А. М. Мандельштам, С. Б. Певзнер. Работы Кафирниганского отряда в 1952—1953 гг. МИА, 66, 1958, стр. 300, 302.

¹² Г. А. Пугаченкова. Халчаян, стр. 38, 82, 91.

Рис. 5. Терракотовая головка богини

стратиграфического горизонта — эллинистическое начало в них полностью устранено.

Техника изготовления — оттиск на довольно плоской лепешке, размеры статуэток крупны, моделировка несколько уплощенная. Они передают образ сидящей женщины, укутанной в мантию, в высоком, наподобие кокошника, головном уборе (рис. 5). Своеобразен прием окраски одежды белой ангобной краской, с оторочкой красной полосой. Лицо округлое, глаза скосые, на губах улыбка, на щеках две родинки, в ушах подвески. Этот чисто локальный тип богини нами уже отмечен был в Халчаяне¹³, четыре статуэтки найдены в 1967 и 1968 гг. на Дальверзин-Тепе. На основании чисто стилистических данных мы относили халчаянскую находку ко II в. н. э.; ныне эта датировка получает прочное стратиграфическое обоснование.

При Кушанах (очевидно и ранее) Дальверзин-Тепе был одним из пунктов производства гончарных изделий. Показательна находка на городище матрицы — калыпа для оттиска небольших статуэток бородатого мужчины в кушанском костюме. Квартал керамистов располагался на юго-западной окраине города, что, видимо, было продиктовано направлением господствующих ветров. На этой территории в большом количестве попадаются

Амударьи (Хатын-Рабат, Айртам, Термез Шортепа и др.) сероглиняная керамика вообще исключительно редка. Вопрос о локальном своеобразии античных керамических комплексов различных историко-культурных районов Средней Азии — это особая тема. Выявление их в исследуемых нами районах стоит в ряду задач Искусствоведческой экспедиции.

Среди разнообразного бытового материала из помещений дома ДТ-2 многочисленны зернотерки; белокаменные, полусферические пряслица с концентрическими рифлениями; трапециевидные терракотовые грузила; интересна часть каменной матрицы для выполнения чеканных ювелирных украшений (бус, бляшек, подвесок). Найдены фрагменты терракотовых статуэток — традиционных в кушанской коропластике коньков, на которых восседали всаднички, и скульптурные образки местной Великой богини. Весь стиль уже совершенно иной, чем у статуэток из нижележащего

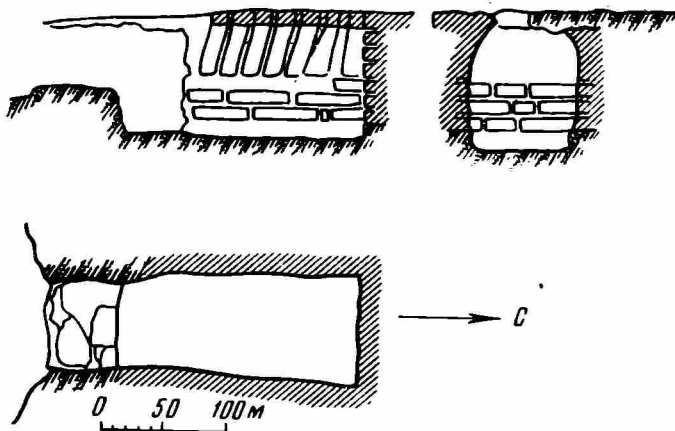

Рис. 6. Керамическая печь кушанского времени

¹³ Там же, стр. 223—224, рис. 105; е е же. Материалы по коропластике Бактрии-Тохаристана. В кн. «Эллинистический Ближний Восток, Византия и Иран». М., 1967, стр. 182, рис. 5.

гончарные шлаки, обожженная глина, зола. В 50-х годах бульдозером была разрушена какая-то крупная керамическая печь. Небольшая керамическая печь была обнаружена и расчищена нами в 1968 г. (рис. 6).

От нее сохранилась лишь топочная камера ($200 \times 70 - 85$ см при высоте 98 см), вырытая на склоне, в более древних культурных слоях, обложенная сырцовым кирпичом ($40 \times 40 \times 10 - 11$ см) и перекрытая сырцовым же сводиком, выведенным наклонными отрезками. Для этого свода изготавливался специальный кирпич $48 \times 48 \times 10 - 11$ см и $48 \times 45 \times 10 - 11$ см, на одной стороне которого был вырезан лекальный кусок так, что, смыкаясь, пара подобных кирпичей образовывала криволинейную форму свода. Такого рода лекальные кирпичи, но только не сырцовые, а жженные, известны нам по Айртаму¹⁴, в постройке, хорошо датированной монетами Канишки.

Следующий период истории Дальверзин-Тепе отмечен перестройками кушанских зданий или же их забросом. В северо-западном шурфе (рис. 7) над остатками старого здания обнаружены пахсовые стены нового дома, сохранившиеся на высоту от 90 см до 2 м. Планировка уже иная, чем в нижележащей постройке. Пол глиняный с ганчевой смазкой, на нем — накопления хозяйственных остатков, среди которых оказалась монета Васу-

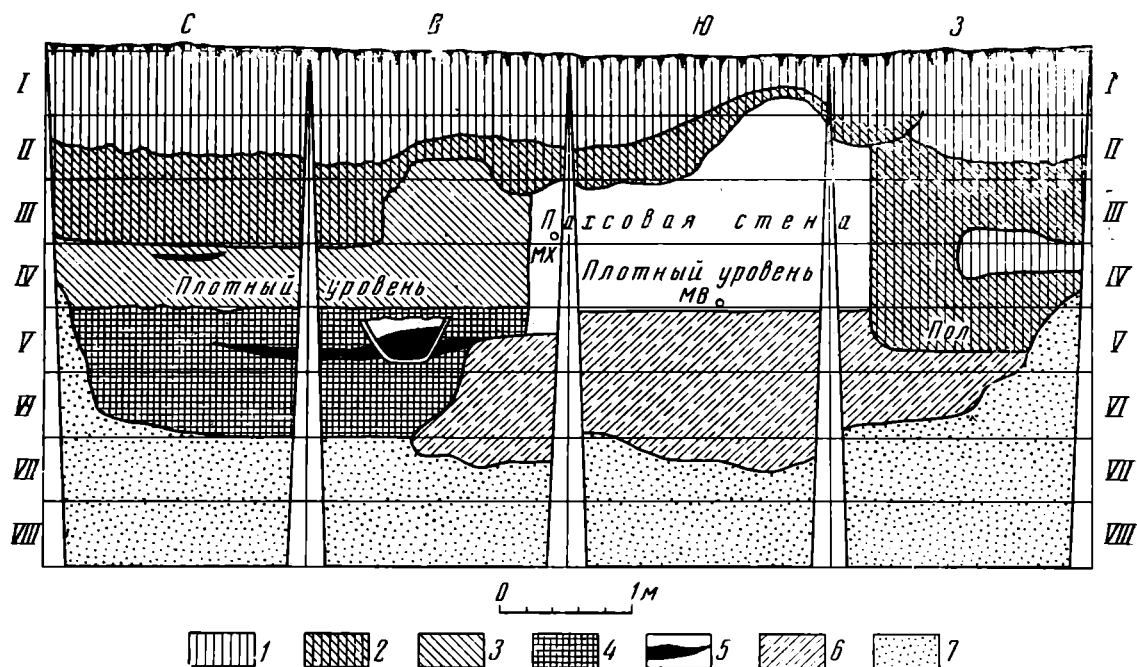

Рис. 7. Стратиграфический шурф в северо-восточной части городища.

1 — рыхлая глина, 2 — рыхловатая и комковатая глина с отдельными фрагментами керамики, 3 — глина средней плотности с керамикой, косточками, угольками, 4 — рыхлый слой глины с хозяйственными остатками, 5 — зольно-угольные линзы, 6 — очень плотная глина с включениями керамических фрагментов, 7 — мелкий песок, МВ — монета Васудевы I, МХ — монета Хормизда I

девы (Av — государь в панцирном одеянии прямо, Rv — Шива с быком). Она определяет период, относящийся примерно к рубежу II—III вв. н. э., после чего происходит запустение дома. Последний, недолговременный этап его обживания отмечен новым уплотненным уровнем на 70 см выше пола; здесь обнаружена очень окисленная бронзовая монетка — по определению М. Е. Массона — Хормизда I (272—273). Вслед за тем — полный заброс и разрушение здания.

В кушанском доме у юго-западного угла Дальверзин-Тепе также наблюдаются заключительные перестройки, когда на уровне в 60 см над перво-

¹⁴ Г. А. Пугаченкова. К истории античной строительной техники Бактрии-Тохаристана. СА, 1963, 4, стр. 83, рис. 11.

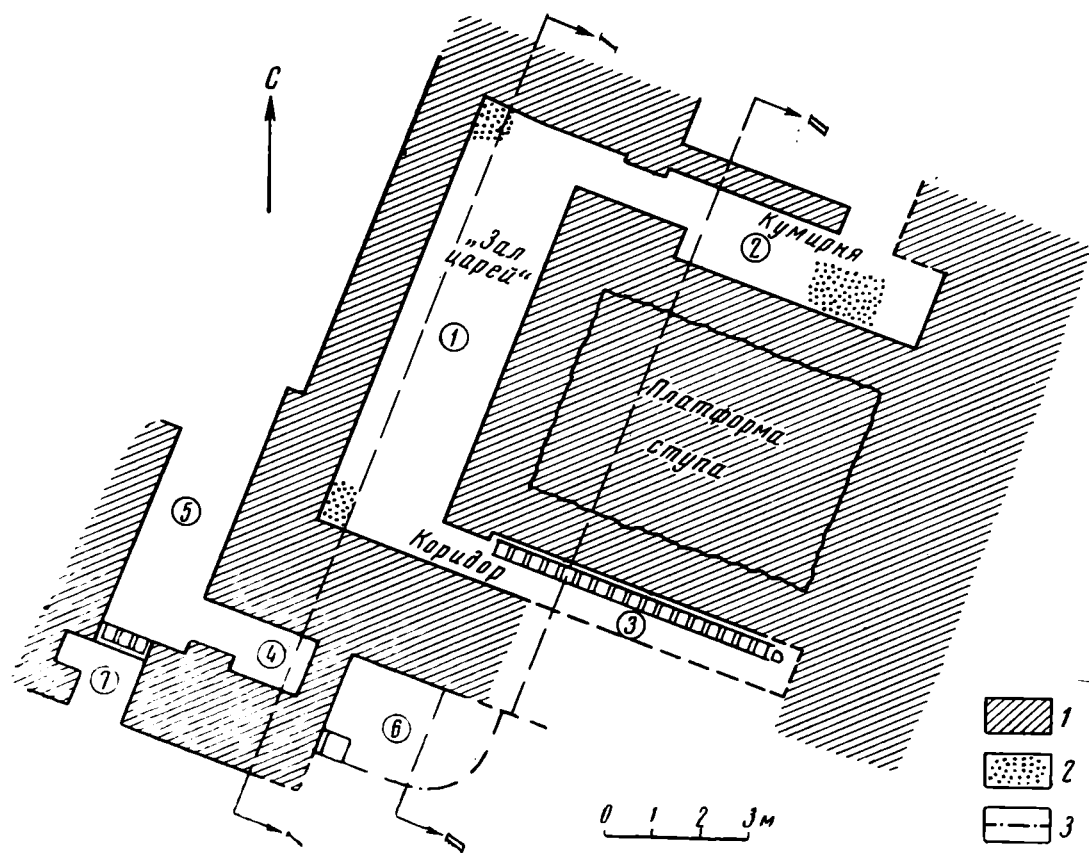

Рис. 8. Буддийское святилище. План

1 — глина, 2 — окалиная светильниками часть пола, 3 — контуры позднекушанского погребения

начальным полом появился новый, но вскоре после этого дом был навсегда заброшен¹⁵.

Юго-восточный дом ДТ-2 в послекушанское время был покинут, над образовавшимися над полами рыхловатыми накоплениями в его помещении начали обрушиваться плотные массивы стен, а один из участков стал свалкой хозяйственного мусора, приносившегося, очевидно, из расположенных в центральной части города зданий, где еще тлела жизнь. Полученный нами здесь керамический комплекс по типу близок к сосудам предшествующего стратиграфического горизонта — очевидно, кушанское гончарство не претерпело существенных изменений на протяжении II—III вв. н. э.

В холм, перекрывший заброшенный дом ДТ-2, спустя долгое время было опущено две могилы (1,70—1,50 м от современной дневной поверхности). Форма одной из них овальна, ориентация оси запад — восток, покойный был положен на спину, лицом вверх, сопроводительного инвентаря нет. Форма второй могилы, попавшей в очень рыхлый слой, неясна, костяк почти истлел, но рядом было два сосуда — двухручечный кувшинчик и кружка с петельчатой ручкой, оба ручной лепки, тяжелые, грубоватые по форме. Варианты одноручных петельчатых кружек такого рода типичны для среднеазиатских керамических комплексов V — начала VIII в., они обнаружены на городищах Тохаристана¹⁶, Бухарского оазиса¹⁷, Согда¹⁸, Шаша¹⁹ и др.

¹⁵ Л. И. Альбаум. Городище Дальверзин-Тепе, стр. 51.

¹⁶ Л. И. Альбаум. Раскопки замка Зангтепе. ИМКУ, 4, Ташкент, 1963, рис. 2.

¹⁷ В. А. Шишкин. Варахша. М., 1963, рис. 63.

¹⁸ Б. И. Маршак. Влияние торевтики на согдийскую керамику VI—VIII вв. Тр. ГЭ, V, Л., 1961, табл. 2, 3, 6-а; И. Б. Бентович. Керамика верхнего слоя Пенджикента (VII—VIII вв.). МИА, 124, 1964, рис. 21—23.

¹⁹ А. И. Тереножкин. Согд и Чач. КСИИМК, XXXIII, 1950, рис. 69-XXI.

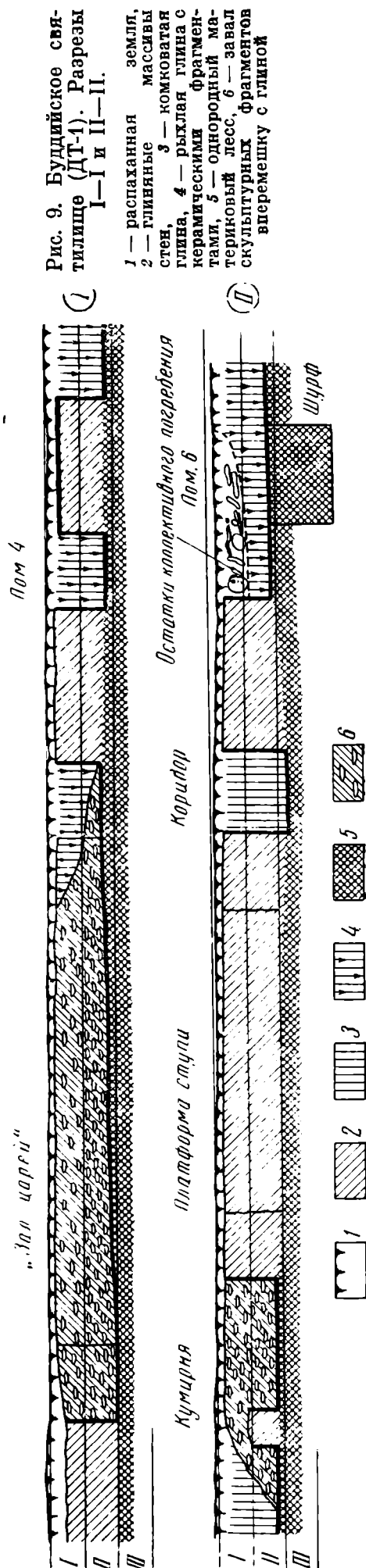
В 1967 г. основным объектом наших раскопок на Дальверзин-Тепе были остатки сооружения, лежащего среди полей в 400 м к северу от городской стены²⁰.

Раскопки выявили остатки небольшого буддийского святилища (рис. 8 и 9), видимо основанного на склоне естественного холма, в силу чего полы были опущены до одного метра в грунт, но зато часть этого холма была использована в качестве пьедестала и частично массива ступы. С трех сторон (кроме восточной) ступу охватывал коридорообразный обвод — узкий в южной части (1,15 м), где обнаружена обкладка ее основания сырцовым кирпичом (31—32 × 31—32 × 11 см), расширяющийся в западной наподобие продолговатого зала (9,80 × 2,35 м), а в северной соединяющийся через суженный проход с прямоугольным помещением (1,65 × 5,40 м). Судя по составу скульптуры, специальному месту для зажигания светильников и находке здесь самих светильников, это помещение было кумирней. Вход в нее вел с северной стороны, где находился вестибюль или дворик.

В юго-восточной части постройки располагалась группа небольших помещений, судя по находкам фрагментов бытовой керамики, ткацкого грузила, куса зернотерки — подсобно-хозяйственного назначения. Они непосредственного сообщения со святилищем не имели.

Ступа, пьедестал которой был, видимо, довольно высок, оформляли скульптурные композиции. Скульптура уже в древности была сброшена на пол, очевидно, какими-то противниками буддизма, ибо образы будд явно нарочито

²⁰ Здесь зимой 1966—1967 гг. при распашке пустоши бульдозеристами были срезаны небольшие холмы, причем на одном из участков оказались вывороченными фрагменты гипсовой скульптуры. Они привлекли внимание тракториста Н. Мурадова, который несколько лет тому назад, еще подростком, работал у нас землекопом на раскопках Бедрач-Тепе; он-то и показал место вспашки на засеянном люцерной поле. По счастью, снесенным оказалось не все, так как древний погребенный уровень ниже современного (очевидно, в этой части Сурхандарьи проходил процесс накопления почвенного слоя) и потому на долю исследователей остались низы помещений и массивы упавших на пол, разбитых еще в древности статуй.

дробились на куски, в то время как изображения светских персонажей — адорантов просто сбивались со стен. Картина разрушения особенно красноречива в кумирне, буквально забитой от самого пола крошечным количеством кусочков скульптурного гипса и глины, причем фрагменты головы, рук, ног очень крупной статуи Будды, видимо, возвышавшейся в центре композиции, оказались разбросанными в разных местах. По счастью, образы второстепенных персонажей этой композиции не вызывали такой ярости разрушителей и упавшие головы некоторых из них дошли почти целиком.

Скульптура была пристенной, но выполненной в полном объеме, без проработки тыльной стороны. Она необычна по технике лепки; вначале выполнялась глиняная болванка с

Рис. 10. Голова гения

Рис. 11. Голова принца

тонкими деревянными стержнями внутри, образующая черновой массив будущей статуи, а затем на сыроватую еще глину накладывалась редкого плетения ткань, способствовавшая лучшей связи с гипсом. Гипс наносился в два — три слоя, с постепенным уточнением формы и на верхнем выполнялась пластическая лепка или формовка. По-видимому, в гипс вводилась какая-то замедляющая схватывание и затвердение добавка (может быть растительный клей-шереш), что позволяло мастеру с большой тщательностью выполнять процесс скульптурной обработки. В последнюю очередь наносились с помощью штампов локоны, драгоценности, украшения на одежде, цветочки гирлянд и пр. Найден один такой гипсовый штампик для изготовления улиткообразных завитков волос.

В скульптурную композицию кумирни входила очень крупная (по крайней мере вдвое-втрое против натуральных размеров) статуя Будды. Судя по находке босых ног, он был представлен в стоячей позе. По обе стороны от него располагались монахи, бодисатвы и небожители-деваты с гирляндами в руках. Найденные головы последних (рис. 10) с правильными античными чертами лица и струящимися кудрями напоминают головы из Хадды²¹, в частности известного «Гения с цветами». Возле этой скульп-

²¹ J. Barthoux. Les fouilles de Hadda. Figures et figurines. MDAFA, VI, Paris, 1932, табл. 17, 59—51, 68—72.

турной композиции возжигались светильники, три из которых найдены у стены, где ясно выделяется широкое пятно обгоревшей глиняной смазки.

Западное помещение можно назвать «Залом царей». Здесь также располагалась фигура Будды, а рядом статуи членов царской фамилии и их приближенных. Две основные фигуры, видимо, правитель и принц-наследник — оба в конически заостренных, украшенных драгоценными камнями царских шапках. От первого дошли лишь небольшие фрагменты лица и шапки и значительная часть торса в богатой красной одежде, от второго — почти целиком голова и детали фигуры с овальными, круглыми, многолепестковыми нашивными украшениями на одежде. Лицо царевича с правильными чертами исполнено необычайного благородства, достоинства и спокойного величия (рис. 11). Станным образом он напоминает портретную голову Антиоха Коммагенского из святилища в Нимруд-даге (I в. до н. э.)²². В ту же группу входила женщина — вероятно представительница царской фамилии, не очень красивая, с оригинальной прической, перехваченной повязкой, украшенной драгоценными камнями. Почти целиком (с утратой лишь рук и ступней ног) сохранилась фигура усатого вельможи в красной «кушанской» одежде — плотном кафтане и длинных шароварах (рис. 12). Имеется голова и другого вельможи — того же размера. Были и иные персонажи, от которых дошли фрагменты лиц, торсов, одежд. Статуи разномасштабны, чем, очевидно, подчеркивалось положение всех участников сцены в придворной иерархии.

Анализ и характеристика скульптуры Дальверзин-Тепе — это предмет специального исследования. Она вносит совершенно новый и принципиально важный материал в познание бактрийского ваяния на территории Северной Бактрии на следующем после Халчаяна этапе его эволюции. Если образы будд здесь вполне каноничны, следуя схемам, разработанным школой Гандхары, если бодисатвы и деваты сближаются с пластическими образами Хадды, то изображения светских персонажей оригинальны по облику и стилю. Скульптура эта дает ряд исключительно интересных чисто внешних деталей, каковы, например, мужские костюмы, женская прическа, царский головной убор. Последний несколько напоминает украшенную драгоценностями шапку Васудевы I на его монетах²³, но более заострен и по-иному оформлен. Наиболее сходен он по форме с шапками

Рис. 12. Статуя вельможи в кушанском костюме

²² R. Ghirshman. Iran. Parthes et Sassanides. Paris, 1962, рис. 75.

²³ H. H. Wilson. Ariana Antiqua. London, 1941, табл. XIV.

кушанских принцев в скульптурах из династийного святилища Кушан в Матхуре (II в. н. э.)²⁴. Вместе с тем нельзя не вспомнить терракотовый медальон I в. н. э. из соседнего с Дальверзин-Тепе Халчаяна со сценою царской славы, где представлены государь и наследник в сходных костюмах и подобных-же остроконечных головных уборах²⁵.

В скульптуре Дальверзин-Тепе поразительна передача лиц, явно портретных. Перед нами, безусловно, реальные персонажи.

Рис. 13. Комплекс сосудов из коллективного погребения (ДТ-1)

Время создания буддийского святилища на Дальверзин-Тепе определяется находкой на полу одной из южных комнат двух бронзовых монет — Кадфиза I и Кадфиза II, что уточняет датировку пределами правления последнего (по принимаемым нами датам — вторая половина I в. или начало II в. н.э.). Факт этот имеет принципиальное значение, свидетельствуя о том, что начальное распространение буддизма в Средней Азии началось не при Канишке, как это принято считать, но уже при его предшественниках, осуществивших завоевание Индии. И хотя Кадфиз II предпочел кроткой доктрине буддизма религию воинственного Шивы, признав его своим божеством-покровителем (что отражено в монетном чекане этого государя), ни он, ни его предшественник, видимо, не чинили препятствий к проникновению в Бактрию буддийских колоний и пропагандистов буддийского вероучения. К буддизму могли склониться и некоторые представители Кушанского дома, в частности пребывавшие в Саганиане, что, возможно, и отражено в скульптурной композиции «Зала царей». Но, возможно, композиция была создана в знак благодарности местных буддистов саганианским правителям, разрешившим основать колонию и выстроить святилище в своей столице.

Археологические данные свидетельствуют, что к концу правления Кушан буддийское святилище было уничтожено, скульптура разбита, а через некоторое время в накопившихся слоях разрушения в одной из южных ком-

²⁴ J. Rosenfield. The Dynastic Art of the Kushans. Berkley and Los Angeles, 1967, рис. 4, 14—16.

²⁵ Г. А. Пугаченкова. Образ чаганианского правителя на терракотовом медальоне из Халчаяна. ВДИ, 1962, 2, стр. 88 сл.; е е же. Халчаян, стр. 235 сл., рис. 110.

нат комплекса было осуществлено коллективное захоронение. По-видимому это были жертвы какого-то нашествия или сражения, так как здесь обнаружено на небольшом участке 13 черепов при двух более или менее полных костяках. К сожалению вспашка нарушила положение костяков, к тому же сильно истлевших, благодаря постоянной влажности почвы в этом пониженном прибрежном районе. В соответствии с обрядами бактрийского захоронения в погребение был помещен сопроводительный инвентарь —

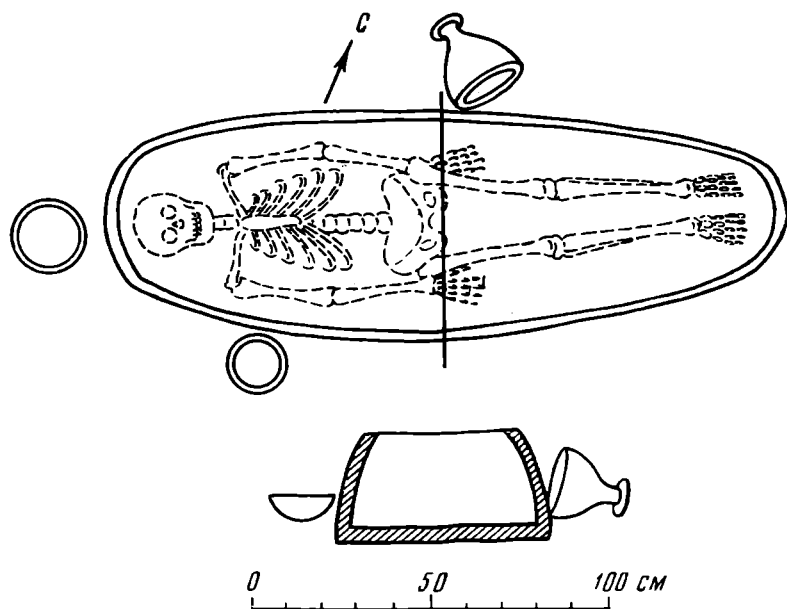

Рис. 14. Погребение в терракотовом саркофаге. План и разрез

кувшин, большая миска, два бокала, фиал (рис. 13). Формы сосудов — позднекушанского типа, черепок — красновато-кирпичного цвета, но красный ангоб уже не нанесен.

В течение длительного времени после разрушения кумирни участок этот не был обжит. Лишь в XV в. здесь заметны следы пребывания человека, о чем свидетельствует раздавленная, но почти целиком собирающаяся очень крупная чаша с подглазурной орнаментальной росписью кобальтом и черной краской по белому фону, типичной для тимуридской эпохи.

Метрах в 300 к северу от буддийского комплекса, на небольшом естественном холме нами раскопано погребение в терракотовом саркофаге (рис. 14). Он составлен из двух отдельно обжигавшихся в печи половин, имеет овальную форму (размеры $1,98 \times 52$ см), со слегка скошенными внутрь бортиками (38 см). Скелет почти совершенно истлел, но видно, что лежал на спине. Крышки нет — возможно, она была деревянной. В изголовьи возле саркофага установлена полукруглая, с небольшим дном светлоангобированная чаша, у правого бока — покрытая ярко-красным ангобом полусферическая чашка, у левого — изящный, также красноангобированный бокал. Это первое нетронутое погребение в терракотовом саркофаге на территории Бактрии: найденные ранее в Тупхане²⁶, Пахтаабаде²⁷, Джумалык-Тепе²⁸ были в выбросах и не дают представления о характере

²⁶ М. М. Дьяконов. Работы Кафирниганского отряда. МИА, 15, 1950, стр. 167—168.

²⁷ Б. А. Литвинский. Новые материалы по археологии Таджикистана. КСИИМК, 55, 1954, стр. 144; Б. А. Литвинский, Э. Гулямова, Т. И. Зеймаль. Работы отряда по сбору материалов для составления археологической карты. Тр. АН ТаджССР, ХСІ, Сталинабад, 1959, стр. 130, рис. 1.

²⁸ Л. И. Альбаум. Балалык-Тепе, стр. 212.

захоронения. Все эти саркофаги заставляют вспомнить ближневосточные парфянские захоронения в подобных же терракотовых гробах (Дура-Европос²⁹, Селевкия на Тигре³⁰, Сузы³¹), где они датируются периодом с I до начала III в. н. э. Однако отличие дальверзинского погребения в том, что рядом с гробом располагались сосуды — возможно, что в этом нашли отражение локальные или временные особенности (иная территория, иная эпоха). Характерно, что до сих пор на территории Бактрии встречены лишь одиночные захоронения этого рода, но не найдено ни одного могильника. Вполне возможно, что они принадлежали проживавшим здесь парфянам (может быть, парфянским купцам, которых немало было по Амударье), умершим и похороненным вдали от родины, но в соответствии с родовыми погребальными обрядами.

В свете проведенных исследований Дальверзин-Тепе предстает, как исключительно перспективный для изучения археологический памятник. По существу это один из немногих на территории Средней Азии почти «стерильных», очень крупных кушанских городов. Археологические же данные делают чрезвычайно вероятным уже высказанное нами ранее предположение³² о возможности его отождествления с той ранней столицей Кушан, основанной к северу от Амударьи, которую под именем Ходзо упоминает древнекитайская хроника³³.

После закрепления юедей около 120 г. до н. э. в Северной Бактрии и усиления среди них племени Кушан, последние обитали именно в долине Сурхандарьи, что подтвердили наши исследования в Халчаяне, скульптура которого посвящена прославлению Гераева рода Кушан. Своей резиденций они, очевидно, избрали уже существовавший здесь укрепленный греко-бактрийский городок, преобразовав его в цитадель. Расположенная же к северу от последней территория стала собственно-городом, где проживало все возрастающее население. Ему придали прямоугольный план, обвели стеною и рвом.

В эпоху Великих Кушан, столицы которых в I—II вв. уже сместились на юг, к Беграму и Пешаверу, Ходзо — Дальверзин-Тепе сохраняет свое значение важного форпоста в северных кушанских владениях. В системе могучей империи осуществляются большие работы по укреплению оборонной мощи городов, с этим периодом связано и усиление на Дальверзин-Тепе крепостной стены самого города и его цитадели. Последующие дополнительные ремонты и реставрации их осуществляются в позднекушанское время, но уже не имеют такого размаха. С крушением династии город пустеет, его постройки и стены оплывают. В V в. в стенах города и на его территории кое-где осуществляются захоронения. Заключительный этап использования Дальверзин-Тепе приходится на VI—VII вв., когда на возвышенном бугре бывшей цитадели сооружаются дома, наступающие на оплывшие гребни кушанских стен. В период завоевания арабами Саганиана (705 г.) Дальверзин-Тепе окончательно погибает.

²⁹ M. T o l l. The Necropolis. The Excavations at Dura-Europos. Prel. Rep. of the Ninth Season of Work, II, New Haven, 1946, стр. 95 сл., рис. 3, табл. XXVII.

³⁰ M. C. C a v a l l e r o. The Excavations at Ghoche. «Mesopotamia», II, Torini, 1967, стр. 54 сл., рис. 37—42.

³¹ R. G h i r s h m a n. Les fouilles de Suse 1946—1951. «Revue des arts», 1951, III, стр. 188.

³² Г. А. Пугаченкова. Халчаян, стр. 247—248.

³³ И. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. II, М.—Л., 1950, стр. 183—184.

«NOUVELLES CONTRIBUTIONS AUX RECHERCHES
DE DALVERZINE-TÉPÉ»

Résumé

Dalverzine-Tépé est la plus grande gorodichtché antique de l'oasis de Sourkhan-Daria. Les recherches archéologiques effectuées en 1967—1968 avaient pour objet l'étude de la stratigraphie, des fortifications et l'implantation de la ville.

On a constaté que le développement de l'agglomération en question remonte aux temps gréco-bactriens quand dans sa partie méridionale se forme un petit site fortifié. La période de l'invasion des Saques en Bacriane septentrionale est marquée par une couche d'incinérations. Mais aux temps des Yue — Zoche — Kouchans on voit la renaissance de la ville et son expansion sensible dans la direction nord. Son nouveau territoire fut entouré d'un ravin et d'un mur.

Le plus grand épanouissement de la vie de Dalverzine-Tépé et une activité accrue de construction coïncident à l'époque des Grands Kouchans tandis que sous les Kouchans tardifs la ville tombe en ruine.

Parmi les monuments investigués au cours de l'expédition en question ont le plus d'intérêt les fortifications de ville de Dalverzine-Tépé, une maison d'habitation, un four se rapportant à l'époque des Kouchans, une sépulture dans un cercueil de terre — cuite. Mais c'est un sanctuaire bouddhiste de dimensions réduites datant des I—II siècles et décoré d'une sculpture unique en gypse qui revêt la plus grande importance.